

Мария Буркова

ЛоГГ. 17 мгновений лета

1-я часть триптиха «Спасти императора»

Мария Олеговна Буркова
ЛОГГ. 17 мгновений лета.
1-я часть триптиха
«Спасти императора»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23687896
ISBN 9785448502071

Аннотация

Те, кто знаком с основной частью сюжета «Легенды о героях Галактики», прекрасно понимают, что эта история не закончена... Познакомить читателей и зрителей знаменитой саги с дальнейшим развитием событий – задача этой книги.

Содержание

Пролог	5
1. Похмелье от смерти	34
2. Хроника тайного совета	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

ЛоГГ. 17 мгновений лета
1-я часть триптиха
«Спасти императора»

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2018

ISBN 978-5-4485-0207-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

За дорогой видно край,

А за краем – ад и рай.

*Говорят: «Умри, но сделай!» – сделай,
но не умирай!*

Алькор. «Дорожная».

Сначала вроде бы стало легче – прекратилась боль. Райнхард встал, прошёл по помещению, обернулся. Его тело лежало себе на постели, а вокруг стояли все, кого он вызвал или не прогнал. Он слышал, что сказала его императрица, и посмотрел на её лицо. Эта единственная слеза... Ему снова стало больно, как будто от укола в грудь. Как же она будет одна, без него, с ребёнком, да ещё на троне? Зачем он потащился на этот распроклятый Хайнессен и дальше, украв у неё последнее время с ним? Сколько ночей он недодал ей даже то время, что им удалось понять друг друга, сколько раз он не позвонил ей с борта «Брунгильды», лишний раз не улыбнулся? Репутация, разборки с республиканцами – кому всё это нужно? Всё сам, а она теперь – делай вместо него... Биттенфельд был прав, когда вывез его из пожара, устроенного уже мёртвым Рубинским – как ни обидно это признавать. И обидно оставлять всех – просил, стало быть, Миттельмайера остаться живым, а сам... Райнхард утешал себя раньше, мол, все справятся, взрослые, взрослее его на самом де-

ле — но сейчас совсем не было сил смотреть на эти лица, он и не догадывался даже, сколько боли причинил им своим презрением к смерти. А может быть, он был неправ, что согласился? Может, надо было ещё поваляться, потянуть время? Ради них всех — нет, я уже не могу на это смотреть, это невыносимо. Когда-то я считал, что не нужен никому, и у меня есть только два человека, которым я не безразличен — какой же я был дурак...

Он отвернулся и пошёл прочь, сам не зная, куда его несёт. Он чувствовал, что плачет — хотя сейчас, конечно, слёзы не могли падать из глаз и даже застилать свет. Райнхард столько раз представлял себе встречу с Кирхайсом, но сейчас страшился даже мысли об этом — как сказать ему, что сестра осталась там? И кто, как не Император, должен был о ней заботиться — выдать замуж, кстати говоря? Нет, нас интересовало, как перещеголять в тактике хитромордого инфантила Яна, вот и вся забава, как у детишек в песочнице... Так заигрался, что не заметил, как сам сломался — и вот теперь люди, которых он повёл за собой и бросил, обречены страдать по его вине. Разве не он потащил в свои игры Кирхайса, который потакал ему из вежливости? И сколько ещё блестящих людей отдали свои жизни ради его игры, вообще-то? Что бы там не говорили, а императором он был плохим — не больно-то интересовало его на деле, чем живёт его империя, а исполнять обязанности он просто привык, как всякий дисциплинированный солдафон. И уж как он привык сваливать

неподъёмное на свиту – сам даже не заметил того. И эти... ошибки от дурости. Зачем назначил Трюнихта снова на Хайнессен, чтоб тот выжал последние силы из Ройенталя? Да и того выставил вон, делай, мол, что мне не под силу – он был старше, оттого и сломался страшнее. Что он скажет, кстати, об этом Кирхайсу – помнится, они втроём спасали сестру в его отсутствие, когда Флегель подставил маркизу как главную вдохновительницу убийства, а ведь дело-то всего лишь было в его, Райнхарда, неосторожных словах и манерах.

Пустота, какой-то сумрак. Хотелось свернуться в комок и рыдать – ничего такого при жизни он себе не позволял, мало ли, увидит кто. Вернуться назад не было возможности, идти вперёд – не было сил от душившего стыда. При жизни ему всегда помогали в такие минуты – сначала сестра, потом Кирхайс, потом Оберштайн, Хильда, Эмиль. Он воспринимал это как должное, не думая, чего это каждому стоило. Он предпочитал думать, что уйди он из их жизни – всё будет тихо и спокойно, и все избавятся от хлопот. Бессердечный эгоист, как же поздно он понял, сколько боли причинил тем, кто шёл за ним следом. Даже на Оберштайна обиделся, не увидев его у своей постели. Забыл, кто вытирал тебе слёзы после смерти Кирхайса? Кто закрывал тебя своей рукой, когда Кирхайс принял на себя весь удар убийцы – было ведь, моё величество, было же, чего уж сейчас-то делать вид, что не заметил. Кто тебе трижды спас трон и предлагал себя уничтожить, чтоб только Ян покинул этот мир и не раз-

дражал тебя своим существованием? Кто принимал на себя всю ненависть, что вызывало твоё имя, а, Император? А ты даже не озаботился вмешаться – и вот тебе погибель Рой-енталя, вот тебе смерть Лютца, вот тебе весь дальнейший позор на Хайнессене. Эх, как бы хотелось попросить хоть за это прощения – отчего-то Райнхард не сжимался в комок нервов в обществе Оберштайна, как перед другими, и чувствовал себя свободно. Он знал, что извиняться перед ним не будет трудно – может, оттого, что пережал в их встречу, когда тот просил его о помощи после бегства с Изерлона, а может, из-за того, что Оберштайн сказал ему перед похищением последнего Гольденбаума. Стоп! Последнее ещё раз вспомним-ка! Уж не оттого ли не было рядом Оберштайна, что... он же человек, что бы там не болтали раздолбаи-адмиралы на совместных попойках... Он чем там занимался, террористами? Ах да, идиот, я же сам ему это приказал. Здесь всегда так холодно, или я опять понял, что промахнулся?

Райнхард сжался, кутаясь в плащ, уже не смущаясь, что колени уткнулись в грудь. Его трясло даже не от холода – стыд плавно перешёл в припадок ужаса, а рыдания получались тут бесслезными и беззвучными, и страшно угнетало сознание того, что сейчас ему уже никто не поможет. Никто не придёт, не успокоит, переключив его на что-нибудь житейское, вроде чашки кофе, и не скажет ничего одобряющего. Но даже такая чудовищная вечность его бы вполне устроила, только бы люди, которых он покинул, не страдали бы

от этой потери. Но он ничем не мог им сейчас помочь. Он даже не мог сейчас извиниться ни перед кем. Он бился в истерике и ревел от бессилия – и это продолжалось неизвестно сколько.

Это было очень странно и невозможно, но чья-то рука сжимала плечо Райнхарда. Она держала его крепко и спокойно, не вызывая боли, и иногда встряхивала. Неужели не показалось и такие вещи бывают и здесь? Хотя отчего же, если он сам не хотел никого видеть, ещё не означает того, что никто не хочет видеть его. Ах, он опять позорится, что за несчастье. Райнхард встал, хотя сил для этого не было. Встал, как тогда, на «Брунгильде», когда флагман Яна взял его на прицел – от происходящего не прячутся. Помнится, Кисслинг хотел его тогда связать и заставить покинуть корабль, но не пришлось – жаль, может, это послужило бы Райнхарду хорошим уроком...

– Император, – услышал он тихий, вежливый голос.

Райнхард ничего не видел – наверное, от нежелания видеть что-либо, – и только замотал в ответ головой:

– Император уже умер, – бесцветно ответил он в холод. – Остался неудачник.

Раздался добродушный смешок – и как будто голос был знакомым...

– Корону нельзя снять, надев её раз своими руками, или Вы не знали об этом, Ваше величество? Хотя никто не спорит, ноша тяжёлая. Так что не смущайтесь, иной раз ощу-

тить себя обычным незащищённым человеком – это совершенно нормально. Вы не больно-то себе позволяли человеческого – вот и надорвались. Бывает.

Райнхард был рад и этому – во всяком случае, ему полегчало. Но приходилось держать марку...

– Что значит не позволял себе человеческого? – с удивлением переспросил он. – О чём речь?

В ответ вполне добродушно рассмеялись.

– Молодой человек, Вам всего 25 – а это возраст взросления юноши, к которому многие приходят уже мужчинами. Вечная драка – это ещё не всё, чем занимаются в Вашем возрасте. Да и мундир носить постоянно – очень вредно для человека, который рос без семьи. Вы хоть раз на пляже-то отдыхали, уж не говоря о более весёлых забавах? Думаете, это мелочи? Зря. Вы за будущей женой, помнится, даже не ухаживали толком – не оттого ли она не знала так долго, чувствует ли что-то к Вам? Хотя конечно, чувствовала – ещё до катастрофы с крепостями, только Вы вот всё видели и ни о чём не думали, верно?

Случись такое при жизни – Райнхард бы покраснел от гнева и взорвался. Сейчас он как будто грустно вздохнул.

– С кем это я говорю? – с досадой проговорил он, ощущая себя, словно пытался открыть глаза и не мог. – Для моей совести это слишком умно, для человека слишком заносчиво, для Бога – слишком примитивно.

Из холодного тумана раздался грустный вздох.

– Да, слишком чист, чтоб всерьёз зацепить. А ведь всего лишь орудие Бога. Такой маленький, но уже целый император, – это уже было произнесено с каким-то ехидством. – Ладно, раз уж Вы спросили, Ваше величество – придётся ответить. Вы правы, к Богу Вам ещё рано – разве только кто ещё захочет Вами заняться. Но и в нашей восхитительной теме Вы не к месту абсолютно, так что у костерка погреться не позвоу, – беззлобно прохихикал обладатель голоса и смолк.

– Чертовщина натуральная, – фыркнул Райнхард. – Зря я не изучал богословие в своё время, иначе бы понимал больше. Впрочем, где мне было его изучать, да и с моими амбициями, ох...

– Может быть, Вы что-то хотите ещё? – вежливо спросили тем же голосом.

– Где Оберштайн? – с прежним апломбом повелителя потребовал Райнхард. – Я его не видел и не извинился перед ним. Куда он подевался, извольте сообщить!

Ответа не последовало вовсе. Зато пропала пелена с глаз – Райнхард увидел, что находится в каких-то странных потёмках, здесь не было светло, но и темнота отсутствовала. Протянув руку, как в детстве за звездой, он увидел её – но звезд не было и в помине. Где-то вдалеке, куда хватало взора, угадывалось что-то вроде стен, увешанных какой-то мишурой – это напоминало театральные декорации.

– Я здесь, Ваше величество, – слышался знакомый го-

лос, который не оставлял сомнений в том, кто это. Райнхард резко обернулся – и увидел знакомую фигуру, также ростом чуть выше себя, как и при жизни, бледное лицо с неживыми глазами...

– Так я и знал, но ещё надеялся, что не настолько плохо, – произнёс он, поникнув головой. – Раз Вы здесь, значит... – он вдруг понял, что говорить дальше бессмысленно, и осёкся. – Я не просил Вас исполнять сказанное, Оберштайн! Зачем Вы умерли без моего разрешения, а? – голос сел до интонации обиженного ребёнка. – Не говорите только, что это была государственная необходимость, пожалуйста.

– Вы о многом не хотели меня просить, Ваше величество, но оно не значит, что этого не нужно было делать, – вежливо ответил тот и почтительно поклонился.

– Я был плохим сюзереном, – грустно сказал Райнхард. – Простите меня.

– Это не так, – как всегда, спокойно откликнулся Оберштайн. – И не терзайтесь понапрасну, я сам сделал выбор и не жалею об этом.

– Где мы? – с надеждой спросил Райнхард. – Что нас ждёт?

– Трудно сказать, – с горьким вздохом сообщил собеседник и закашлялся, – выяснить толком так ничего и не удалось. Меня атаковал здесь какой-то мерзкий монстр, и он оставил меня только после того, как услышал, что Вы произнесли моё имя.

Райнхард с досадой пожал плечами. И здесь Оберштайн

молча помогает ему...

– Значит, хоть что-то я ещё могу, – с грустью сказал он. – Ах, если бы мог избавить от боли всех, кому её причинил, – его взгляд упал на разорванный бок Оберштайна. – Это ещё что такое, оттуда или здесь уже?! – собеседник промолчал, и Райнхард вдруг обнаружил в памяти то, чего там быть не могло – он понял, что сам уже знает, при каких обстоятельствах был смертельно ранен его министр. – Вы зря так поступили, хотя Ваши резоны мне понятны, – сокрушённо заметил Райнхард и взялся отрывать кусок от своего плаща. Хорошенько забинтовав рану, он почувствовал себя лучше. Оберштайн молча пожал его руку, почтительно склонив голову. Где-то невдалеке в тумане слышалось шуршание, скрежет, как будто чьи-то огромные когти царапали какую-то твердь, и раздался отвратительный вой. Райнхард властно отстранил Оберштайна, попытавшегося загородить его собой:

– Отставить, я пока здесь командир. Если оно за мной, Вы мне не поможете, а если за Вами – пусть сначала докажет, что имеет право трогать моего советника.

Из туманной полумглы вынырнуло довольно мерзкое на вид огромное – в четыре человеческих роста чудовище, похожее на некое членистоногое. Оно излучало впереди себя такую злобу, что окружающий холод казался комфортной средой. Вне всякого сомнения, монстр намеревался для начала разорвать в клочки людей – и уж не вызывало сомне-

ний, что это будет ужасно больно, для начала. Страшно захотелось сжаться, упасть на колени и завывать от ужаса, закрывая лицо руками. Райнхард сделал шаг вперёд, загородив собой фигуру Оберштайна, и гордо поднял голову, уложив ладони рук себе на талию:

– Это ещё что за нечисть сюда явилась? Почему бы тебе не убраться вон, пока есть возможность? – с презрительным высокомерием проговорил он.

Чудовище затряслось, продемонстрировало готовность прыгнуть и атаковать, но не приблизилось.

– Коли нечего сказать, не занимай моё время, – невозмутимо пожал плечами Райнхард. – Прочь, – он сделал ленивый жест рукой и не пошевелился.

Полутьму прорезал выстрел из бластера. Луч шёл откуда-то справа, и пришёлся по середине корпуса монстра – тот с жалобным воем вскинулся и ринулся прочь, исчезая в клочках тьмы. Райнхард медленно повернул голову в сторону, откуда стреляли. Ему было тяжело и страшно не хотелось смотреть туда, но он старался об этом не думать вовсе. Однако увиденное вмиг заставило забыть об этом – там стоял невозмутимый Лютц собственной персоной, опустив винтовку. Он молча застыл в почтительном поклоне, увидев, что замечен. От привычной чопорности Райнхарда не осталось и следа – он бросился обниматься, как разнервничавшийся юноша:

– Лютц, Вы меня тоже не оставили! Но зачем Вы умерли,

я же просил Вас выжить, помните?

– Снайпер, – скромно ответил тот. – Я просто не успел, вот и всё. Простите меня, мой император.

– Если кому и стоит просить прощения, так это мне, – вздохнул Райнхард, заметив рану на виске Лютца. – Вечно я раздаю распоряжения, которые губят моих людей, – он снова оторвал кусок плаща и забинтовал уже эту рану. – Вы не знаете, что это было такое, что Вы только что подстрелили?

– Похоже, как раз тот, кто убил меня на Урваши, просто в своём истинном обличье, – пояснил Лютц. – Тут полно подобной публики – при жизни в основном они были республиканцами, ненавидящими нас и Вашу династию, мой Император. Жаль, что Вы прибыли так рано – мне ещё хватает работы. Я бы предпочёл, чтоб Вы наделали кучу детей и внуков, прежде чем прибыть.

– Так Вы здесь один? – снова похолодел Райнхард.

– Не совсем так. Здесь все адмиралы, кроме двоих, но они крепко спят – их невозможно разбудить. Я пытался, но потом понял, что это произойдёт само, но очень нескоро, и тревожить их незачем.

– Кого нет? – холодея ещё больше, осведомился Райнхард. – Если тут не все, то это ни разу не Вальгалла, а чёрт знает что.

– Невозможно попасть к Ройенталю – там постоянно что-то мешает, и никак не получается пройти. И нет никаких следов Кирхайса – похоже, он был слишком хорош для этого

мира. Что касается Вальгаллы – что-то я уже всерьёз начал сомневаться в её существовании, – ухмыльнулся Лютц, пожимая плечами, как от холода. – Тут постоянно что-то происходит, кто-то появляется, после исчезает – но похоже, это некий транзитный вокзал огромных размеров между светом и тьмой, который сам однажды исчезнет по приказу свыше, но уж точно не под звук Гьялахорна.

– Тогда я хочу видеть Ройенталя, раз он здесь, – задумчиво проронил молодой император. – Потом подумаем, как быть дальше.

Неподалёку вспыхнул некий неяркий свет, и стала видна какая-то тропинка у входа в нечто, очень похожее на пещеру в лесу. Райнхард неторопливо кивнул головой – он уже смутно начал о чём-то догадываться – и сделал шаг в эту сторону. Потом ещё. Пещера не отдалялась, и он сделал рукой знак своим спутникам обождать. Каждый шаг давался с серьёзным трудом, но Райнхард сурово двигался по тропе – он не собирался отступить.

– Ройенталь, ну где же ты, – тихо говорил он больше для себя, чтоб двигаться дальше, – я же давно простил тебя, нам пора увидеться. Я сделал ошибку, отправив тебя на эту проклятую планету, что свела тебя с ума и убила столько наших офицеров, но разве это повод сердиться на меня сейчас? Будто ты сам не ошибался – вспомни свои кошмары при Изерлоне. Ройенталь, услышь меня и появись. Ради Миттельмайера и твоего сына, Ройенталь, слышишь меня?

Когда Райнхард прошёл почти половину тропы, перед ним возник рослый силуэт в скафандре без шлема и преградил путь. Человек высокомерно улыбался, вызывая скрестив руки на груди, и всем своим видом давал понять, что не позволит пройти, как минимум. Райнхард хотел с вызовом осведомиться, кто этот самодовольный наглец, но вдруг вспомнил это лицо и всё, что знал о нём от Юлиана Минца...

– С дороги, Шёнкопф, ты мне не нужен, – тихо и властно приказал Райнхард, спокойно глядя в глаза противнику. – После поговорим, может быть.

– Уж извините, Ваше величество, но Вы не тот, кто имеет право отдавать мне приказы, – премерзко осклабился в ответ флибустьер удачи. – Я сам Вас еле не грохнул, если помните.

– Да уж, того, кто смел отдавать тебе приказы, ты сначала втянул в бессмысленную бойню, хотя он просто хотел спокойно себе жить с женой, а после позволил его убить, хотя мы оба хотели увидеться вновь, – спокойно проговорил император. – А ещё ты бросил девушку беременной на третий день знакомства, потом так же бросил на произвол судьбы собственную дочь, ни разу не обняв её. Ты хвастался на весь космос тем, что дрался не на равных с моим адмиралом – а между тем это ты сбежал от него, как только он решил наконец атаковать тебя, хоть был не в защите, как ты. Что же касается меня – конечно, зарезать лежащего в лихорадке весьма доблестно для крутого воина вроде тебя, только вот там ещё стоял Миттельмайер, если помнишь – а он как раз тот,

кто и одолел Ройенталя. Он, а не ты – так чем ещё похваляешься, ущербное наследство Гольденбаумов? – с холодной усмешкой закончил он, нисколько не растрогавшись при виде гримасы ненависти, появившейся на лице противника. – С дороги, мне такие не нужны.

– Как ты ещё смеешь мне такое говорить, белобрысый сопляк?! – взревел капитан. – Ты не тот, кто имеет право меня судить! Я... умер в бою, а ты... ты...

– Тебе перечислить всех, кто умер в бою против меня из тупого упрямства? Ты в хорошей компании тогда – вместе с теми, кто сжёг Вестерленд, – спокойно продолжил Райнхард. – Или ты полагаешь, что очень обрадовал своей смертью своих друзей, Юлиана Минца и свою дочь? Да, ты их так обрадовал, что Поплан попросился к Валену пилотом – слишком многое они пережили на Земле, раз он так повзрослел, хотя и младше тебя. А остальные не захотели быть марионетками Трюнихта – хватило им примера бедолаги Яна, но даже Трюнихта прикончил Ройенталь, а не ты. Как ты думаешь, кому было сложнее избавить мир от этой раковой опухоли – тебе или ему? Ты, призывавший Яна расстрелять меня, что сделал ты, когда Трюнихт отдал мне всю территорию вашего Союза – спокойно смотрел, как эта гниль скрывается за моей спиной? Может, тебя так пугали охранявшие его культисты – тебя-то, с твоими легендарными розенриттерами? Что-то моих соратников культисты не напугали, как видишь – именно поэтому я умер не в бою, а простившись

с женой и сыном, а несчастный Ян – от выстрела недомерка, пригретого Трюнихтом! И кто из нас двоих теперь сопляк, подумай-ка малость?

– Ты... – в бессильной злобе прохрипел Шёнкопф, – ты вообще не должен был появляться в этом мире! – и бросился на врага с боевым ножом.

Райнхард успел присмотреться к нему, дабы аккуратно устранившись от удара, но даже этого не пришлось. Нападающий как будто ударился о невидимую преграду и шмякнулся на тропе в четверти шага от ног молодого императора. Похоже, удар был слишком силен – упавший остался недвижим и с прикрытыми вроде как от боли глазами. Райнхард хотел нагнуться к нему и посмотреть, но тело вдруг быстро потащило прочь с тропы куда-то некой неведомой силой, и голос, который разговаривал с Райнхардом из тумана, весело промурлыкал:

– Ах, ну хоть что-то уже на сегодня, а то было опасение, что этот дурачок может вздумать присягнуть этому венценосцу. Хватит и того, что Машунго уже потерян.

Райнхард упрямо шагнул вперёд и пошёл дальше, сам не свой от мрачной догадки. Старики Меркатц и Бьюкок, возможно, даже сам Ян-Чудотворец, теперь ещё и этот раздолбай Шёнкопф, похоже, их настигла некая ужасная участь, но Ройенталю, видать, хуже того намного...

– Эй, там, – приказал он в полутьму, окружавшую его – извольте отдать мне Ройенталю, я сказал!

Послышался грустный вздох:

– Может, не стоит, Ваше величество? Зачем Вам этот мятежник, да и он сам вряд ли захочет Вас видеть, кроме того...

Райнхард не стал слушать дальше и прогремел ещё жёстче:

– Отдать мне Ройенталя немедленно! – он вдруг понял, что наделал в своё время своим указом о назначении друга на пост генерал-губернатора: пока он и Миттермайер были рядом, бесовщина не могла прорваться к мятежной душе и подчинить её себе полностью. Но, оставшись один, Ройенталь не смог справиться с атаками нечисти, как ни боролся. Всё же, он был совсем одинок – ничья любовь не укрывала его от разрушения, и даже детство Райнхарда выглядело безоблачным по сравнению с судьбой Ройенталя-ребёнка. Ах, знал бы больше, сколько б всего можно было избежать... Тропа закончилась. Голос простонал что-то невнятное и смолк, будто удаляясь.

Пещера зияла пустым проёмом в полтора человеческих роста – можно было свободно пройти даже втроём, но решительно ничего не было видно из-за густых клубов не то пара, не то дыма, полностью закрывавших этот проём. Слышался какой-то нехороший гул.

– Мрачная штукавина, – процедил себе под нос Райнхард, – и, как назло, я не знаю ни одной молитвы. Куда же они дели Ройенталя? – и, решив не раздумывать, шагнул вперёд, в неизвестность.

Здесь было гораздо светлее, чем снаружи — стены светились чем-то кроваво-оранжевым, было душно, как будто вернулась адская жара при лихорадке — вот только ничуть не теплее. Какие-то не то летучие мыши, не то и вовсе упыри метнулись вглубь при его появлении. Райнхард увидел в нескольких шагах впереди очень тучную лысоватую фигуру в каком-то мешковатом одеянии, которая показалась ему очень знакомой, рядом с ней угадывался силуэт престарелого высокомерного аристократа — они стояли спиной к входу, явно занятые чем-то очень увлекательным для себя, и каждый держал в правой руке электрохлыст. Увидь он такое при жизни, Райнхард бы окликнул их привычным громовым голосом, тем более, что аристократ очень напоминал ему... Лихтенладе. Но сейчас появилась озорная мысль приблизиться неслышно — и, кажется, это было вполне возможно. Вообще-то, будучи здоровым, он почти не уступал в сноровке собственным адмиралам — и быстро завладеть электрохлыстами и ударить обе фигуры как следует было совсем нетрудно, трудно было сначала услышать знакомый голос, который не то стонал, не то хрипел: «Мой император», а потом увидеть дальнейшее... Ройенталь стоял на коленях, со скрученными наручниками за спиной руками, мундир свисал с окровавленных плеч жалкими остатками и превратился в лохмотья. Страшный железный ошейник огромными шипами внутрь впился в его шею, а цепь от ошейника была так натянута, что становилось ясно, что пленник сто-

ит только потому, что она ещё держит его. Спина была похожа на одну сплошную рану – от таких пыток при жизни люди быстро погибали, видимо, здесь истязания могли продолжаться сколь угодно долго.

– Что за гнусная забава в стиле Гольденбаумов, – с негодованием прорычал Райнхард и ударил Ланга и Лихтенладе ещё раз с хорошей оттяжкой, – кто вам тут разрешил так развлекаться, подонки?

Оба негодяя могли долго соревноваться между собой, чья физианомия выражала больший ужас, они едва ли не мгновенно подскочили после удара и очень проворно кинулись прочь, ничуть не уступая в скорости прочей, уже сбежавшей нечисти.

– Хозяин, хозяин, – завывали они на все лады, – катастрофа, император добрался и сюда! Спаси нас, хозяин!

– Да пошли вы в котёл, придурки, – скучающим тоном ответил из ниоткуда уже знакомый голос, обладателя которого так и не было видно. – Вам там самое место.

Райнхард бросил хлысты на пол – тот оказался каменным, и стало возможным разглядеть боевой нож, отчего-то лежавший там. Молодой император подобрал его и занялся оковами – это было хоть и нетрудно, но мучительно. Ройенталь смотрел на него взглядом затравленного зверя, смирившегося с погибелью – похоже, он не мог поверить в реальность происходящего. Райнхард снял с себя плащ и осторожно укутал друга:

– Прости, Ройенталь, я не знал, что тебе так больно. Ты сможешь идти сам или тебя лучше нести?

– Мой император, мой император, – горьким шёпотом проговорил пленник, и его плечи затряслись от рыданий, – зачем Вы здесь так скоро, Ваше величество? Я не заслужил этой милости, я... я ведь действительно хотел...

– Ройенталь, я спросил тебя, сможешь ли ты идти со мной, а остальное мы можем и потом выяснить, если будет желание, – радушно, но твёрдо сказал Райнхард. – Даже не жди, что я оставлю тебя здесь – да и Миттельмайер мне бы этого никогда не простил. Твой сын играет с моим и уже хватал звезду с неба – что за чепуха вспоминать бред, навеянный лихорадкой, а?

– Мой император, – едва слышно прошептал Ройенталь в ответ и поник головой, – простите меня.

– Так, – Райнхард обнял его за шею и осторожно уложил лицом себе на плечо, – в таком случае я приказываю. Немедленно успокойся и ступай со мной, слышишь, Роейнталь? Всё, встаём, пошли, – он аккуратно поднялся на ноги, заставляя друга подниматься с колен. – Нечего тебе больше бояться – испугался невесть чего, вот тебя и схватили. Идём, – покровительственным, но добродушным тоном сказал император и подал руку своему адмиралу, но не ладонь, а предплечье и локоть. Тот, чуть помедлив – он выпрямлялся, принимая прежнюю осанку – поняв, что Райнхард не хочет обнимать его за плечи, чтоб не потревожить его раны, вежли-

во положил свою, и вовремя – это движение вызвало столь сильную боль, что Ройенталь против воли вскрикнул.

– Не стоило принимать мои попытки важничать столь все-рьёз, – спокойно сказал Райнхард. – Я так же рехнулся после ухода Кирхайса, а тут ещё и сестра меня бросила, вот я и ляпнул чепуху. А ты мог бы извиниться даже после Урваши – и ничего этого не случилось бы. Так что оба хороши, знаешь ли. Держись крепче, и пошли.

– Мой император, – тихо сказал Ройенталь, однако ступая рядом с ним шаг за шагом, – это слишком великодушно с Вашей стороны, я недостойн... Мне лучше бы вообще не родиться...

– Молчи, дуралей, – сурово оборвал Райнхард, – кто бы тогда вытаскивал меня под Вермиллионом, или тебе весь список припомнить? Если твой отец был урод, это не повод воспринимать его слова как истину. А истина в том, что он после таких слов не имеет права называться твоим отцом – как и мой, ты знаешь, после чего. Я забрал тебя и у него и у Гольденбаума в тот вечер, когда ты пришёл просить за Миттельмайера, и не собираюсь ничего менять. Так что больше над тобой нет ничьей власти, учти, объявляю это тебе своим именем и именами наших сыновей.

– Повинуюсь, мой император, по своей воле, – негромко ответил Ройенталь, но после этого пол как-то подозрительно дрогнул. Это оба решили проигнорировать.

Они подошли уже почти к краю пещеры, когда в её проёме

возник Трюнихт. Он смотрел на них с насмешливой брезгливостью, но загораживал проход ничем не хуже Шёнкопфа. Ройнталь заметно дрогнул, и Райнхард величественно кивнул ему:

– Это уже тоже не твоя забота, тихо. С дороги, господин торгош, я не желал встречи и сейчас не желаю, – жёстко и безапелляционно прикрикнул он на Трюнихта. – Прочь!

– Так я же не то, чтобы к Вам, Ваше величество, – слащаво до тошнотворности проговорил тот, не двигаясь с места и с нехорошим удовольствием потирая руки, – но дело в том, что я несчастная жертва произвола, и с моей стороны вполне логично требовать справедливости, будучи убитым без оружия, и вот я...

– Если требовать справедливости, – хмуро усмехнулся Райнхард, – то я скорее заинтересуюсь воплями тех, кого ты толкнул к гибели, заставив воевать против меня и моих вассалов. И тех, кого ты постоянно использовал и бросал на произвол судьбы – подробных сведений у меня хватает. И я не демократ, как известно.

– Ваше величество также обязаны мне – ведь я настоял на отдаче приказа Яну о капитуляции! – Трюнихт заметно удивился и потерял значительную часть своей самоуверенности, в его глазах промелькнул страх.

– Которого Ян ждал, как воздуха, не желая меня убивать, ага, – саркастически продолжил Райнхард. – Не лги уж, хоть это и твоя профессия. Ты видел, что Союз обречён, и ис-

кал путь выскочить в Империю, только и всего. Я бы сказал, что Ройенталь поступил с тобой максимально вежливо, учитывая все твои заслуги передо мной. С дороги, воплощение бесчестия! Зря я не бросил тебя в толпу, прибыв впервые на Хайнессен.

Трюнихт суетливо ретировался, но тут же из пустоты раздался прежний голос:

– Отдайте Ройенталья, Ваше величество, у меня есть, что Вам предложить.

Райнхард шагнул из пещеры, увлекая за собой своего вассала.

– Я не торгуюсь. Если мне что понадобится – беру сам. Предлагайте, я подумаю, что мне захочется взять ещё. Только республиканцев мне не нужно – пусть свою демократию у вас делают.

В ответ раздался леденящий душу вой, но отчего-то сейчас он совсем не воспринимался как опасность. Зато гнев и отчаяние читались там без малейшего труда. Когда оба вышли на тропу, Райнхард улыбнулся и помахал рукой ожидавшим его Оберштайну и Лютцу, затем посмотрел на Ройенталья. Тот смотрел на него глазами преданной собаки, которая слишком долго скиталась без хозяина.

– Вот так невероятно – у него и это получилось! – только и смог проговорить Лютц, покачав головой.

– Да уж, ни один император ещё не спускался за своими подданными в преисподнюю, – задумчиво произнёс Обер-

штайн. – Что-то не припомню я такого в истории человечества. Похоже, это ещё не все чудеса, которые нас ожидают, в таком случае.

– Действительно, впечатляет, – услышали они чей-то дребезжащий голос. – Но не очень, честно говоря.

Обернувшись на голос, они увидели старика в форме исчезнувшего навсегда Союза, который опирался на внушительную трость и с любопытством глядел на идущих по тропе друзей.

– Это ещё что за хрыч? – бесцеремонно осведомился Лютц, поигрывая винтовкой. – Наглый, как все мятежники.

– А, так это знаменитый герой драки при Мар-Адетта, – пренебрежительным тоном пояснил Оберштайн. – Он отказался сдаваться, восхваляя демократию – дескать, дружба между хозяином и слугой невозможна.

– Ага, они в верности только этот маразм и видят – явно судят по себе, рабы своей тупости, – фыркнул Лютц. – Как известно, адмирал Кирхайс был другом детства нашего Императора – или это им тоже ни о чём не говорит?

– Просто они заткнули уши и глаза, не желая воспринимать реальность. Быть ущербными гораздо удобнее – можно всегда найти оправдание собственной злобы на весь мир.

Тем временем Райнхард тоже увидел Бьюкока и радушно кивнул ему, остановившись:

– Вы со мной, сударь? Так подходите тогда.

Старик отрицательно покачал головой.

– Республиканец не может пойти за самовластным правителем.

Райнхард независимо тряхнул головой – однако было заметно, что он уже равнодушен.

– Затвердил пустую мантру, – не сдержался Ройенталь. – Ты так ничего и не понял, старый дурак? Кто тебя здесь заставляет быть республиканцем? Вашу демократию породил ад, но вообще-то согласно её принципам Император легитимен – это понимали даже Минц и Ян!

– Это бесполезно, – ответил ему Райнхард. – Республиканец не уважает никого, в том числе себя, – повернувшись к Бьюкоку, он с лёгкой издёвкой пропел несколько фраз, глядя тому в глаза. – «Лбы разбиты до крови от земных поклонов, мы такие борзые, знайте нашу прыть – мы своих угробили тридцать миллионов, это достижение вам не перекрыть». Или не республика предпочла уничтожить собственного Чудотворца, а? Вы воевали за неё всю жизнь – так что в моих глазах подписались под всеми её преступлениями, и нечего кивать на Трюнихта!

– Вы безжалостны, император, – опустил глаза Бьюкок.

– А я вам ничего не должен вообще-то, или это никогда не приходило Вам в голову? Многие так удивляются, когда ведёшь себя с ними так же, как и они с тобой – вы не замечали этого разве, ослеплённые своими фальшивыми добродетелями? Хорошо, устранив меня, кого Вы предложили бы миллиардам моих подданных – вашего Трюнихта с гвардией

головорезов из деструктивного культа, творящих любой бес-предел? Отправляйтесь в ад с такими подарками – вот что Вам ответили бы, милейший. Или Вы берёте на себя ответственность уничтожить сперва эти миллиарды не согласных с Вами? Тогда нам точно не по пути, Вы правы, – Райнхард отвернулся от него, не обращая внимания на выражение ужаса на лице старика, и двинулся к поджидавшим Оберштайну и Лютцу.

– Именем демократии творятся любые мерзости, – проворчал Ройенталь, двигаясь рядом. – Главное – найти козла отпущения, потому что ни у кого нет ответственности ни за что. Скольких я наказал за настоящие преступления, а они были уверены, что им ничего не грозит при прежнем порядке.

– Ага, и вспомним, чем тебе за это отплатили, – в тон ему заметил Райнхард. – Это какая-то проклятая планета – столица этой республики. Даже Оберштайн там не очень преуспел, похоже, они вообще разучились нормально жить, и кроме как партизанить, ничего не умеют.

– Ах, а я ведь виноват перед Оберштайном – он ведь не желал мне того зла, которое я ему приписывал...

– Это тебе Ланг сказал? – улыбнулся Райнхард. – Такой хороший семьянин, по словам Кесслера...

– Я сам это понял через некоторое время после ранения на «Тристане».

– Почему не обратился напрямую ко мне? Все искали спо-

соб тебя вытащить живым – и я тоже. Мы бы даже придумали, как спасти твою репутацию – или до сих пор сомневаешься?

– Нет, не сомневаюсь, но... – он не договорил и рухнул перед своим императором на колени.

– Ладно, отставить, вставай, – потребовал Райнхард. – Сейчас я знаю больше чем достаточно. Тема закрыта.

Райнхард оставил Ройенталя поговорить с Лютцем и Оберштайном, а сам крепко задумался. Он странным образом ощущал сейчас, что остальные его погибшие адмиралы теперь совсем рядом с ним, но встречаться с ними ещё рано. Яна Вэньли он вообще видеть не хотел – во всяком случае, на данный момент точно. Решать тактические задачи ему надоело ужасно, разговаривать о демократии опротивело, а больше их ничего и не связывало, кроме дуэли при Вермиллионе. На ум пришли слова, брошенные как-то Кисслингом кому-то из его подчинённых: «Наш Император накануне драки отослал свою даму в безопасное место, а этот республиканский лоботряс не нашёл лучшего времени для помолвки, представляете? Экая пошлость и безответственность, право!». Да, но далеко ли мне удалось уйти от этого, ведь моя императрица теперь вдова? Эта мысль причинила настолько сильную боль, что Райнхард совсем неосознанно крикнул: «Кирхайс! Где ты?»

Что-то произошло – раздался некий рокошующий грохот, полутьма заклубилась каким-то густым туманом, твердь под

ногами сильно задрожала. В нескольких шагах вдруг вспыхнул слепящий свет, и через некоторое время стало возможным различить на его фоне неясные ещё очертания какой-то фигуры. Она неторопливо отделилась от невыносимо яркого потока и приблизилась. Райнхард инстинктивно поднёс ладонь к глазам, чтоб лучше видеть – пожалуй, здесь это было бессмысленно, и сделал шаг вперёд, ещё ничего толком не рассмотрев.

– Спасибо за Ройенталя, Райнхард, – раздался столь знакомый бархатный голос, что молодой император ощутил, что задыхается от перенапряжения. – С ним было сложнее всего.

Сейчас Зигфид Кирхайс был ростом выше даже Биттенфельда, да ещё и в мундире белого цвета – такого при жизни не носил никто. Кроме того, этот странный серый плащ... да это же не плащ вовсе, а огромные мощные крылья! Райнхард застыл в немом восторге и только протянул руку к другу.

– Нет, Райнхард, тебе ещё рано со мной, – покачал головой тот, тепло улыбаясь. – Я заберу Ройенталя – он достаточно уже настрадался, и Лютца – он давно воюет здесь, хватит. А у тебя ещё много дел, мой император.

– Как это? – совсем растерялся Райнхард. – Что это значит? Я отправлюсь в преисподнюю теперь, стало быть?

– Ты всегда был требователен к себе, даже слишком, – вздохнул Кирхайс и снова улыбнулся. – Я сильно обидел тебя со своими упрёками, помнишь? Это было очень невежливо с моей стороны – обрушить на тебя Вестерленд и да-

же не поинтересоваться, чего тебе это стоило. Прости меня за это и не терзайся – не ты виноват в моей смерти, на то были совсем другие причины.

– Какие? – только и смог выдохнуть Райнхард. – Это же произошло из-за...

– Нет, – вежливо оборвал его Кирхайс. – Кроме того, останься я с вами, ничего бы не получилось вовсе, поверь. А так в память обо мне вы все сплотились и сохранили корону – и никто не справился бы с ней лучше тебя. Да и Аннерозе нужен другой человек, что бы она там себе не воображала в своих мечтах. Так что тебе ещё предстоит выдать её замуж и вырастить не только Александра Зигфида фон Лоэнграмма, – он задорно подмигнул другу, и Райнхард с удивлением увидел, что вместо пылкого юноши, каким он навсегда запомнил Кирхайса, перед ним солидный и суровый мужчина, намного серьёзней его самого теперешнего.

– За кого выдать? Как это возможно? – пробормотал Райнхард совершенно безотчётно. – Я же умер...

– Ещё нет, да ты и не болен даже, просто загнал себя до изнеможения, – терпеливо пояснял Кирхайс. – Сейчас ты ещё лежишь на постели и даже без пятен – время течёт по-разному в разных ситуациях. К тебе летят гости с далёкой планеты – они пятьсот лет с неё почти ни разу никуда не выбирались, но, узнав о том, что все ждут твоей смерти, стартовали несколько недель назад. Они тебе расскажут много интересного и важного, сам поймёшь всё. Наша брань – не толь-

ко против плоти и крови, так что эпоха войн в космосе хоть и закончена, но это ещё не означает эры всеобщего благоденствия. Рай смертным построить не дано, но не допустить воцарения ада – главная задача. Так что увидимся попозже, Райнхард, тебе пора, а я должен забрать Ройенталя и Лютца. Кроме того, тебе ещё принимать присягу у Юлиана Минца, мальчик скоро превратится в мужа – просто напomini ему о нашей с ним встрече на Изерлоне и можешь рассказать об этом разговоре. Он поймёт.

Райнхард с сомнением покачал головой.

– Этот наследник Яна слишком предан его учению.

Кирхайс снова лучезарно улыбнулся, вежливо подавая руки подошедшим к нему Ройенталю и Лютцу.

– Яну ещё при жизни от него доставалось. Да и невесту Юлиана не стоит недооценивать – она сосватает ещё собственную свекровь за Мюллера, вот увидишь. Шейнкопфу повезло с дочкой – не каждая может отомолить такого папашу, но эта просто ураган. До встречи, Райнхард, – и троица начала быстро таять в потоке света.

– Подожди, – крикнул Райнхард, преодолевая какое-то странное головокружение и беспомощно протянув руку, которую уронил от изумления. – За кого я должен выдать Аннерозе?

– За Оберштайна, – услышал он и почувствовал, что стремительно падает куда-то.

1. Похмелье от смерти

Тесно, темно, больно. Вздохнуть, вздохнуть, срочно! Ах, что за душная тюрьма, ну где же это я, надо хоть что-то предпринять, чтоб уяснить происходящее. Шум, как будто лавина где-то вдалеке... Удар, где-то внутри, ещё, ещё, вроде вполне терпимо, уже даже не мешает, вздохнуть! Получилось. Так, ещё, ещё... Ага, вот в чём дело, это ж моя густая кровь еле течёт по жилам, я в себе и лёжа, как Кирхайс и говорил. Ух, как опять тяжело – голова будто свинцовая, ноги затекли невероятно, даже пошевелить не получается. И темень ещё перед глазами – такой мрак, пожалуй, способен всерьёз напугать. Надеюсь, мне не придётся всю жизнь валяться беспомощным инвалидом, иначе какой смысл был возвращать меня сюда. Что там говорил Кирхайс, я не болен даже? Хорошо бы, но как же в такое поверить, после стольких месяцев лихорадки и её последствий. Хоть бы кто помог, право, я боюсь не справиться. Свет, свет, я его не вижу... Эй, кто там сказал странную фразу про свет, как тебя звали когда-то, Солнце Правды, да? Помогите, умоляю, я не могу ничего сам, особенно сейчас. Да ещё и больно... Всё тело звенит от боли. Позволь мне делать то, что я должен. Хотя бы это. Иначе кто же сделает это за меня? Помогите мне, я знаю, что ты есть, хоть и не знаю, где ты. Помогите, мне слишком больно, я этого уже не вынесу!

– Хильда! – ну и хриплю же я, и это мой голос? кошмар... – Хильда, любимая, где ты?

Да, я сдал... полностью. Чтоб когда раньше, да вот так, ещё и вслух... Впрочем, это же правда, чего её стесняться? Разве я не могу позволить себе сказать, что люблю? Ну и дурак же я, право, в таком случае...

– Хильда! Где ты, любимая? – так, правая рука поднимается, это уже что-то... попробуем иначе.

Ох, это было слишком резким движением, экий болевой шок оно вызвало... Райнхард беспомощно рухнул с локтя снова на спину. Хотелось заплакать от бессилия, кажется, даже слёзы услужливо навернулись...

– ХИЛЬДА! – кажется, в этот крик вся боль и вложилась полностью, силы подло оставили, впрочем, к этому было не привыкать. Райнхард остался лежать, тяжело дыша и ужасаясь давящему отчаянию – он не мог ничего

сделать с собой, но это одиночество в полной темноте было невозможно переносить. Если бы хоть что-то происходило, к нему вернулось бы прежнее мужество. Сколько прошло времени? Где он и что произошло – ведь раньше ему стоило только пожелать увидеть любимую, как это случалось само собой. Неужели с женой несчастье – он ведь не знает, как долго его не было...

– Хильда, я тебя люблю, вернись ко мне! – я готов прокричать это на весь космос, пусть, зачем я завоёвывал Вселенную, если со мной нет той, кого я всегда хотел чувство-

вать рядом? – Хильда, где ты?

Ему показалось, что он слышал какой-то стук или хлопок, но он умолк, утомлённый криком. Однако руку поднять и протянуть куда-то перед собой он мог. Его уже не смущало, что он выглядит беспомощно, тупо шаря ладонью в воздухе. Рука наткнулась на знакомую руку, которую он столько раз с благоговением сжимал...

– Райнхард, ты... – наконец услышал он голос, которого ждал всем своим существом и боялся не услышать больше. – Ты здесь, Райнхард! – он почувствовал прикосновение к волосам, запах её тела, а потом на щеку упала холодная капля.

– Да, Хильда, да, любимая, – говорить получалось с трудом, и он почти шептал, – я вернулся к тебе. Как ты?

Она не ответила, но он почувствовал, как она дрожит. Он хотел обнять её, и рванулся к ней совершенно инстинктивно – это не получилось, но левая рука смогла подняться и обхватить её за плечи.

– Не плачь, я сильно перепугал тебя, знаю. Обними меня, мне холодно одному. Только не бойся больше – нас ничего плохого не ждёт, поверь мне.

М-да, я идиот – желать, чтоб женщина не заплакала после всего этого... Она ж не железная, это понятно. Ну да ничего, не будет же она плакать вечно, а мне намного лучше, я даже могу утешать её, жаль, что так и не вижу ничего... Что, что она там несёт? Этого ещё не хватало...

– Хильда, умоляю, ну хоть не сейчас, не надо меня титуло-

вать величием. Я всего лишь мужчина, который тебя любит, и мне сейчас ничего не хочется знать, кроме того, что ты со мной. Мне плохо без тебя. Вспомни – стоит тебе уйти, и я начинаю погибать, это ведь всегда с нами было. Мне везде без тебя плохо, – добавил он уже с сильной горечью и крепко сжал объятия. – Я всё помню, сколько тепла я видел от тебя, когда замерзал – я же тогда только вернулся из... а потом на той утраченной крепости, и после, столько раз... Ну не корону же ты во мне видишь только, верно? – так, только бы тут не заплакать самому, это будет как-то неловко...

– Райнхард, ты жив!

– Да, благодаря тебе. Если бы ты не пришла сейчас, я бы снова умер. Останься со мной сейчас, пусть все подождут, я слишком долго тратился на Вселенную, – он наконец нащупал её губы своими и наградил её долгим нежным поцелуем. – Я плохой муж, и это нужно исправить как можно скорее.

– Но как? – она успокоилась, и к ней начала возвращаться её вечная рассудительность. – Ты ведь правда...

– Да, это так. Кое-что произошло, я обязательно расскажу. Пока просто побудь со мной – я ещё слишком плох и не могу без тебя дышать. А ты так нежно произносишь моё имя – жаль, что я не слышал этого раньше...

Сердце стучало немилосердно громко, да ещё и голова начала снова беспокоить – Райнхард почувствовал, что резко слабеет и падает на подушку, но разжимать руки он не хотел

никоим образом, боясь провалиться в чёрное небытие, где нет ничего, кроме боли. Он попытался шевельнуть ногой – как ни странно, это получилось и он оставил колено согнутым, чтоб не лежать совсем пластом.

– Райнхард, я на всё готова, только...

– Нет, просто скажи, что любишь. Эти наши условности, сколько они украли у нас времени – я боялся ухаживать за тобой все эти годы. А после той ночи, когда ты ушла молча утром – тогда было хуже всего, разве ты не заметила? Я чуть с ума не сошёл от этого холода без тебя! – странно, до чего легко меня прорвало, ведь раньше я бы ни за что... м-да, стоило ради такого умереть, пожалуй...

– Райнхард, я очень испугалась после Урваши, очень, может быть, это как-то... Но я поняла, что люблю!

– Если бы ты... сказала это раньше, возможно, я бы не стал... ладно, не важно. Просто поцелуй меня, Хильда, и не плачь больше.

– Райнхард, ты целуешься так, будто хочешь сделать ещё одного сына!

Он услышал, как смеётся. Ему было просто хорошо, пока она оставалась рядом.

– Хорошая мысль, я над этим подумаю. Но может ведь быть и дочка, верно? А так – хороший комплимент для выходца с того света, согласен, – всё же, как хорошо быть просто мужчиной, забыв про всё остальное...

Где-то поблизости что-то упало с заметным грохотом.

Ага, с досадой и озорством одновременно подумал Райнхард, конечно, всегда есть желающие мешать любым моим желаниям. Даже просто выжить.

– Не шевелись, – шепнул он жене. – Я не хочу сейчас ничем заниматься. Ты ведь устала, надо полагать, тебе тоже надо отдохнуть.

Он всё же услышал тихий шёпот: «Император жив???»», но не узнал голос. Он лишь решил проверить, на что способно отдохнувшее тело – и на этот раз оно не обмануло ожиданий: от резкого рывка Хильда оказалась рядом с ним на постели, упав на спину. Молодой император приподнялся, отжавшись на одной руке, и, повернув голову на звук, громко и безапелляционно проговорил:

– Извольте меня не беспокоить по любым вопросам, будьте так добры. Имеет император право на отдых в этой Галактике хотя бы после смерти, а? Прочь до новых указаний! – и неторопливо рухнул снова, чтобы крепко обнять жену. – Хильда, ты тоже никуда не спешишь пока, хорошо?

Они оба не знали, сколь хорошо действуют друг на друга – и крепко заснули, обнявшись, на несколько часов. У них не было сил даже подумать о том, что творилось вокруг – хотя их никто не беспокоил, беспокойство вокруг достигло невиданных размеров. И кроме того, был ещё один значительный повод для беспокойства – когда в одну из комнат снова помчались врачи, и с ними собака. На боку ожившего Оберштайна была обнаружена странная повязка, напоми-

навшая оторванную полу белого плаща. Хотя в целом состояние пациента было тяжёлым, сомнений в том, что он выживет, уже не было. Было лишь неясно, откуда взялась повязка – ведь по всем данным, в эту комнату никто так и не входил.

Райнхард проснулся как будто самопроизвольно, но он очень хорошо понимал, что это не так и что-то не только уже происходит, но требует его личного вмешательства. Он безотчётно открыл глаза, потом, сообразив, что взгляд невидящих глаз легко напугает человека, неторопливо прикрыл их. Хильда так и спала рядом – он слышал её ровное дыхание у себя на левом плече. Он осторожно чуть отодвинулся и, подняв правую руку на локте, сделал приглашающий жест пальцами у своего виска. Послышался тихий шорох – кто-то приближался...

– Слушаю, Ваше Величество! – а, это Эмиль, что ж, я рад его осчастливить, этот будет мне рад любому...

– Шшш, Эмиль, очень тихо – мне нужно одеться, – шёпотом попросил император. – Если вдруг не найдёшь одного плаща – не пугайся, просто скажи мне об этом. И ещё позови сюда Миттельмайера, но одного и как можно тише, ладно? – он постарался улыбнуться как можно беспечнее, пусть пока считают блажью нежелание открывать глаза.

– Слушаюсь! – прошептал мальчик и кинулся исполнять. Райнхард тем временем крепко задумался, потихоньку

потягивая одну группу мышц за другой. Вроде бы подозрений в беспомощности тела не появлялось. Почему это случилось с ним? Началось-то вполне безобидно, и когда? Мальчишеское желание завоевать Вселенную само довольно скоро уступило пониманию того, что империя – вовсе не игрушка, просто избавиться от республики под боком было жестом упорядочения, но хотелось сделать всё красиво. Так, вот тут я и споткнулся – когда вместо честной драки меня опрокинули хитреньким приёмом, подставив под прицел, и кабы на выручку не пришли вызванные Хильдой друзья... Именно накануне этого грустного кошмара я первый раз и рухнул с температурой, помнится. Да, с республикой красиво нельзя – она это мне очень быстро доказала, и не раз. А некрасиво было противно, честно скажем... Дальше – пока занимался этой проблемой, болел, однако приступы учащались, стоило приблизиться вплотную. С другой стороны, остальным было гораздо хуже – Фаренхайт вот погиб, потом ещё двое, кабы не погибли все, оттого я и лез всё сделать сам, но... Ещё я снёс истукана на Хайнессене – безотчётно, но из-за этого сам там дважды чуть было не сгорел и потерял Ройенталя – а ну как он погиб вместо меня, а? Не сжёг ли я себя вовсе не войной, а тем, что занимался слишком опасным делом, не отдавая себе в этом отчёта? Объявить болезнь неизвестной – чего уж проще, но я и сам уникам, скажем честно. Если мне нравится воевать – это ещё не означает, что я помешан только на войне. Я не могу быть один – когда погиб Кирхайс, я был

рад, что кто-то всё время есть рядом. Но разве это ненормально? «Нехорошо быть человеку одному» – разве не Бог сказал это когда-то? Захоти я всерьёз умереть – уж нашёл бы в себе силы остаться один, это у меня получалось. Райнхард вспомнил, как одиноко сидел на ступенях залы в погибшей крепости, где произошло непоправимое, как жаловался погибшему другу, что во Вселенной холодно, как никогда. Потом, когда пришла пора всё же выйти – никого из адмиралов и офицеров не было, куда они все делись, он не подумал, потому что перед ним очутилась Хильда с чашкой горячего кофе... Он тогда понял, что принадлежит уже ей, но приходилось делать вид, будто это не так. Доделал, что умер. Ах, ведь всего лишь хотелось поскорее покончить с этим всем... Ага, вот в чём дело – я же простыл от этого холода, вот что. Холод – он тоже обжигает, как и огонь. Боже, помоги мне. Если не я, то кто? Ещё столько не сделано, и я... боюсь этой черноты, очень.

Явился Эмиль. Действительно, исчез тот плащ, который Райнхард надевал последний раз – ага, это уже говорящий факт, улыбнулся молодой император своим мыслям. Но необходимо всё проверить, и немедленно. Совершенно автоматически облачившись, Райнхард вдруг ощутил, что упорно не желает надевать плащ и застёгивать горловину – даже предпочёл бы, пожалуй, вовсе без верха мундира, но пока не решился на это. Решил оставить так, тем более, что явился Миттельмайер – этот сиял так, что ощутимо

было, несмотря на слепоту. Райнхард бесцеремонно взялся за руку друга, встал и шёпотом попросил отвести себя в комнату к Оберштайну.

– Только без свидетелей пока, очень прошу, – прибавил он уже на пороге. – Я слишком слаб ещё.

Он ещё услышал знакомый щелчок пальцами – и подумал, что у Эмиля если и могло получиться незаметно позвать Миттельмайера, то остальной штаб уж точно помчался подглядывать и подслушивать, ведь на кого-то же он успел прикрикнуть перед сном. Что поделать, все вояки хоть и знают, что такое дисциплина, но в душе как были мальчишками, так и остались – можно себе представить, что сделала с ними новость, что император жив. Хоть обошлось без шорохов – но движение воздуха скрыть не удалось, и именно его Райнхард и ощутил на лице. Он неторопливо склонил голову, лучезарно улыбнувшись, будто ничего не заметил, и помолчал, выжидая. Затем тихо сказал:

– Идём, и побыстрее. Я встретился с Ройенталем, Лютцем и Кирхайсом – поэтому я пока не позвал остальных. Кроме того, есть ещё одно обстоятельство, – прибавил он с грустным вздохом и смолк.

– Честно говоря, – ответил Миттельмайер, видимо, также улыбнувшись только что произошедшему, – быстрее можно только на моих руках, Ваше Величество.

– Согласен, – спокойно пожал плечами Райнхард. – Действуйте.

Эх, а ведь довольно много раз мои подчинённые были правы, а я был упрямым дурачком-романтиком, думал молодой император, пока Миттельмайер мчался по коридорам, без особого усилия держа сюзерена на руках. «Подумают» – тоже мне категория, стоящая внимания как будто. Людям вроде Бьюкока да Шёнкопфа полностью плевать, кто он на деле и как себя чувствует – как впрочем, было плевать и тем, кто говорил при кайзере гадости про его сестру ему в лицо и за его спиной. Им нечего доказывать и бесполезно. Большинству совершенно неинтересно, что и как он делает – он для них не живой человек, а только некто, на ком нынче корона. А вот тем, кто закрывал его собой от вражеских выстрелов – плевать уже, кто что подумает, это истина. Сколько он растерял из-за собственных красивых жестов? Пора бы уже и понять было, что собственная жизнь не вся принадлежит ему, и чем дальше – тем больше. И опаздывать он уже не имеет права. Что важнее – жизнь вассала или что подумают о способе, которым император до него добрался? Точнее, ритуал для человека или человек для ритуала, а? Если второе – то превратимся в Гольденбаумов, да и всё...

Встав на ноги, Райнхард покачнулся от слабости и ухватился за плечо Миттельмайера совершенно спонтанно.

– Ничего, вроде пока порядок, – громко сказал он ему, но не убрал свою руку. – Что у нас тут, а? – спросил он в пространство с нужной долей высокомерия.

Он смутно чувствовал, что в помещении есть кто-то

ещё – но невозможность видеть угнетала почти до отчаяния. И ужасно не хотелось, чтоб это поняли остальные – так что не ощути Райнхард в следующий момент мощную эмоциональную волну от раненого, который его увидел и услышал, дело было бы чревато страшным нервным срывом. А так молодой император вежливо улыбнулся, чуть склонив голову, чтоб не бросалось в глаза то, что его веки полуприкрыты, и обернулся на источник волны. Удачно.

– Ваше Величество? – услышал он негромкий знакомый голос и сделал пару шагов в его направлении. – Вы?

– Кажется, Вы удивлены, Оберштайн? – церемонным тоном, но с заметными тёплыми нотками произнёс Райнхард. – Я рад, что у меня это наконец получилось – удивить Вас. И рад, что Вы тоже здесь уже, как и я.

– Не очень-то разумно после такого приключения делать столь резкие движения, – проворчал Оберштайн своим обычным менторским тоном, который сразу разозлил Миттельмайера – Райнхард почувствовал, что плечо его адмирала едва заметно дрогнуло, однако вполне успокоил императора – если советник ворчит, значит, дела не очень-то и плохи. – Ваша жизнь поважнее моей, Ваше Величество, неужели это...

– Не более разумно, чем кидаться в могилу следом за мной, – с усмешкой оборвал его сюзерен. – Разве я давал Вам на это санкцию, Оберштайн? Мне вполне понравилась идея выманить негодяев на меня, но Вам-то кто позво-

лил расставаться с жизнью при этом? Нехорошо, у меня ведь сын. Так что извольте выздороветь, уж будьте так добры, иначе я рехнусь совсем от этих постоянных потерь, – с горечью прибавил император.

– Будет сделано, – слабеющим голосом ответил раненый. – Я всё помню, мой Император, только и Вы берегите себя, а то... – он смолк, не договорив, и Райнхард услышал тихий шум – видимо, кто-то метнулся к телу.

Райнхард широко открыл глаза и старательно придал себе грозное выражение.

– Вылечить, – сурово скомандовал он, и вздохнул будто от сильного гнева, впрочем, подобные эмоции ему не нужно было сильно уж разыскивать в себе. – Иначе сам достану на том свете собственными руками, не так-то оно сложно, как может показаться сперва! Что там, я спросил уже раз?!

– Жуткая кровопотеря, – отозвался кто-то деловитым тоном, – пара клинических смертей, но сейчас резко идёт в гору, хотя непонятно отчего. Его уже раз сочли покойником – но когда зашли за телом, он был вполне себе жив и забинтован странной повязкой. Никто не знает, откуда она появилась, но прогноз вполне оптимистичный, Ваше Величество. Сейчас он просто отключился, разволновавшись от Вашего прихода.

– Ладно, – спокойно отозвался Райнхард, – действуйте. Пойдём, Миттельмайер, – он снова склонил голову, полуприкрыв веки, и сделал шаг, так и держась рукой за плечо дру-

га. – Отведи меня к себе, мне тяжело.

– Ваше Величество, а что с этой повязкой делать, может, полицейским отдать, чтоб разобрались? – спросил уже другой голос.

– Не стоит, – устало ответил Райнхард, старательно шагая прочь, – это я его замотал обрывком от своего плаща. Первое, что мне под руку попало – торопился просто.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была достаточно красноречива, но продлилась разве что пару секунд – людей вообще сложно чем-то удивить, если они не хотят удивляться сами. А уж если они в состоянии учуять правду – какой бы невероятной она не казалась при этом – то и воспринимают её совершенно спокойно. Возмущаться начинают разве что те, кто подсознательно ненавидит истину или настолько привык ко лжи, что выбешивается на всё, что ложью не является. Да и вопрос «как?» обычно задают те, кто не особо привык уважать себя и остальных. Вежливых людей он часто даже не особо интересует. Все просто занялись тем, чем должны были в данный момент заниматься. Даже Миттельмайер также промолчал. Поэтому, почувствовав, что они идут уже одни, Райнхард тихо сказал ему:

– А сам плащ я отдал Ройенталю – ему там сильно несладко пришлось. Правда, я уже разобрался с этим.

– Понял, – спокойно ответил адмирал.

– Подробнее расскажу после, – в тон ему произнёс молодой император. – Сейчас нужно дойти на своих ногах, а ещё

я умираю с голоду – так что шансы на выздоровление есть и у меня. Скажем, это не везение, а обязанность, но думаю, и так вполне сойдёт.

– Вы будто не рады вернуться, Ваше Величество? – тепло сказал Миттельмайер, и Райнхард остановился.

– Ты... улыбаешься, да? – спросил он упавшим голосом. – Я правильно понял? Тогда не пугайся, пожалуйста.

– Что? – почти прошептал в ответ потрясённый адмирал, и по его тону было件нятно, что он догадался.

Райнхард сокрушённо покачал головой и посмотрел перед собой невидящими глазами. Однако он очень хорошо знал своего друга, и ему казалось, что он видит его – память старательно подсказывала ему образ. Несмотря на гнетущую ужасную черноту вокруг...

– Да, – едва слышно проговорил он, – ничего, даже пятен света не вижу. Надеюсь всё же, что это может пройти как-нибудь после, оттого и не хочу, чтоб узнали. Кажется, я отправился на республиканской территории – сразу, как мы вошли в эту часть космоса, только я рухнул с лихорадкой, а Ройенталь свихнулся – он-то был самый крепкий из нас физически, чем я никогда не мог похвастать. Терять зрение я начал накануне стычки с Минцем, а упал уже позже.

– Эта республиканская территория и впрямь ядовита, я тоже замечал это, – с ненавистью прорычал Миттельмайер. – Но тогда нечего позволять себе лишние нагрузки, Ваше Величество, тут Оберштайн прав. Желаете к себе? Сейчас при-

будем, – жёстко, но спокойно добавил он, и Райнхард почувствовал, что его без всякого разрешения снова подняли и понесли.

«Я желаю к Хильде», – подумал он про себя, а вслух сказал только:

– Спасибо.

2. Хроника тайного совета

Хильда молча бросилась мужу на шею, едва тот вошёл в покои, где умирал, крепко держась за предплечье Миттельмайера. Райнхард нежно обнял её и осторожно взялся гладить по плечам – он отлично чувствовал, как она дрожит. «Любимая, всё хорошо», – он смог сказать ей это так тихо, что кроме неё никто не услышал.

– Надеюсь, нас не будут сегодня беспокоить чем попало? – с добродушной весёлостью проговорил молодой император. – Хотя моя императрица со мной, а Оберштайн валяется раненым, привычка, что что-то не так, меня так и не отпускает, – он внимательно прислушался, дабы уловить если уж не шумы, свидетельствующие о присутствии других людей, то хотя бы эмоциональные волны от них, но почти сразу продолжил. – В любом случае нужно отправить Эмиля за горячим чаем и горой бутербродов – я вечно огорчал его тем, что не ел их. И пока дел на сегодня хватит – даже если весь Хайнессен взбунтуется, я не стану сам этим сегодня заниматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.